

Владимир Викторович Подмаскин¹
podmaskin@yandex.ru

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ЮКАГИРОВ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XXI в.)

Народный календарь юкагиров сложился в особых условиях существования как результат длительного для многих поколений успешного приспособления человека к одной из самых суровых зон обитания на нашей планете. Свообразие исторического развития этого календаря определяется важной ролью экологического фактора в жизнеобеспечении и природопользовании этноса. Даётся положительная оценка характера связей человека и Природы в экстремальных условиях Арктики. Народный календарь оценивается как адаптивная стратегия, т.е. путь культурной адаптации, выбранный этнической группой в конкретных социально-исторических и экологических условиях. У юкагиров сложилась система восприятия и счисления промежутков времени по фазам Луны, положению Солнца и звёзд, типам хозяйства. Модель народного календаря обеспечила стабильность функционирования специфического хозяйства пеших охотников, рыболовов и оленеводов, оказалась достаточно жизнестойкой, имела значительную практическую значимость, связанную с пониманием традиционной культуры как формы биосоциальной адаптации, направленной на расширение используемой территории для уменьшения нагрузки коллектива на неустойчивые ресурсы тундровой зоны. У юкагиров вошли в употребление календари в виде небольших деревянных дощечек прямоугольной формы. Народный календарь юкагиров стал результатом как их собственного познания действительности, так и опыта соседних народов (эвенов, эвенков и др.).

Ключевые слова: юкагиры, народный календарь, солнечно-лунный календарь, сезонно-хозяйственный календарь, православный календарь, российский Северо-Восток.

Vladimir V. Podmaskin¹
podmaskin@yandex.ru

YUKAGHIR FOLK CALENDAR: TRADITIONS AND INNOVATIONS (SECOND HALF OF THE 19th — FIRST QUARTER OF THE 21st CENTURY)

The Yukaghir folk calendar developed under special conditions of existence as a result of man's long-term successful adaptation to one of the harshest habitats on our planet over many generations. The uniqueness of the historical development of this calendar is determined by the important role of the environmental factor in the livelihoods and environmental management of the ethnic group.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

A positive assessment is given of the nature of the connections between Man and Nature in the extreme conditions of the Arctic. The folk calendar is assessed as an adaptive strategy, that is, the path of cultural adaptation chosen by an ethnic group in specific socio-historical and environmental conditions. The Yukaghirs have developed a system for perceiving and calculating time intervals according to the phases of the Moon, the position of the Sun and stars, and types of economy. The model of the folk calendar ensured the stability of the functioning of the specific economy of foot hunters, fishermen and reindeer herders, turned out to be quite resilient, and had significant practical significance associated with the understanding of traditional culture as a form of biosocial adaptation aimed at striving to expand the territory used to reduce the collective load on the unstable resources of the tundra zone. The Yukaghirs began to use calendars in the form of small wooden tablets of rectangular shape. The Yukaghir folk calendar was the result of both their own knowledge of reality and the experience of neighboring peoples (Evens, Evenks, etc.).

Keywords: Yukaghirs, folk calendar, solar-lunar calendar, seasonal economic calendar, Orthodox calendar, Russian Northeast.

Термин «народный календарь» употребляется нами в двух значениях: в широком смысле это описание обычаев и обрядов, распределения хозяйственных работ, толкования метеорологических явлений и других этнографических факторов в соответствии с календарным циклом; в более узком смысле календарь — это система народного определения времени, деления суток, названий месяцев и праздников, времён года, а также той или иной даты в соответствии с явлениями природы, событиями общественно-политической и семейной жизни.

В первом значении этот термин употреблялся, по существу, иносказательно, так как его содержание не имеет ничего общего с системой времяисчисления (т.е. с тем, что вкладывается в понятие «календарь» с точки зрения хронологии).

«Народный календарь» во втором значении (т.е. народная система счисления и разделения времени) полностью соответствует объекту изучения исторической хронологии как науки об историческом развитии способов измерения времени. Хронология лежит в основе всех календарных систем, создаваемых человечеством [12, с. 17].

Рассматривая вопросы исторической хронологии, необходимо принимать во внимание влияние народного, применяемого в быту, счёта времени, который

предшествовал официальной календарной системе. Нельзя забывать о том, что именно на народном календаре (в его узком понимании) строились первобытные календарные системы всех народов и что именно эти системы, созданные на основе наблюдения за явлениями природы, постепенно обрастали научными математическими данными (термин «математическая хронология» следует понимать как определение точного астрономического времени путём изучения движений небесных тел и соответствующего вычисления), образуя более или менее совершенные хронологические системы.

Во многих этнографических публикациях имеются данные, позволяющие говорить ещё об одном (кроме исторического и математического) направлении хронологических исследований — о хронологии этнографической. Исследование хронологии в этнографическом аспекте заключается в изучении народного календаря. Причём в данном случае календарь рассматривается только в узком смысле — как народная система счисления и разделения времени. В этом значении, на наш взгляд, в дальнейшем и должен употребляться термин «народный календарь».

Исследование данных народного календаря в таком плане имеет немалое значение для определения уровня развития культуры жизнеобеспечения этноса.

Народные способы определения времени — деление суток, названия месяцев, праздников, различные виды народного датирования — сохранились в филологическо-этнографической литературе и архивных документах.

Специалисты по исторической хронологии и историки, занимающиеся расшифровкой дат и уточнением датировки исторических событий, обращаются также к народному календарю.

До сих пор, несмотря на достаточно большое количество материала, данные по народному календарю не собирались воедино и не оценивались с точки зрения нужд хронологии. В отличие, к примеру, от аналогичных данных этнографической метрологии.

Зафиксирован также ряд народных названий непереходных и переходных, зависящих от религиозных праздников.

Кроме того, в народе было широко распространено датирование по различным другим признакам (к примеру, по стихийным бедствиям, по необычным явлениям природы, достопримечательными событиями и т.п.).

Территорией жизнедеятельности юкагигов в настоящее время является Колымский район Якутии — низовья и среднее течение реки Колымы, где они постоянно проживают и сохраняют свои традиционные занятия и культуру [11, с. 77]. Вероятно, юкагиры пришли на Крайний Север с юга, вернее всего, со стороны Саяно-Алтайского нагорья. В конце XIX в. этническая общность представляла собой ряд обособленных групп, каждая из которых являлась сложным этническим образованием, состоявшим из потомков юкагигов, смешавшихся с коряками, чукчами, эвенками, эвенками, русскими старожилыми и якутами.

В XVIII в. происходит постепенное сближение многих юкагирских племён с пришельцами — эвенками, эвенками, русскими казаками и старожилыми; значительная часть юкагигов была обращена в православие. В конце XIX в. юкагиры представляли собой ряд групп, вкрапленных в массивы якутского, тунгусского и русского населения. Соседи юкагигов оказали сильное

влияние и на хозяйство, и на культуру юкагигов, ассимилировали отдельные юкагирские группы и семьи, но и сами при этом усвоили многие черты юкагирской культуры.

В юкагирском народном календаре второй половины XIX — первой четверти XXI в. имеются сведения о разделении суток, названиях месяцев, о народном датировании по храмовым праздникам, ярмаркам, сбору ясака, явлениям природы, по общественно-политическим событиям и хозяйственным работам [9; 3; 10]. Кроме того, деление суток на несколько частей зафиксировано и в юкагирском словаре [6, с. 263, 466, 486, 539, 540].

У юкагигов началом суток считалась не полночь, как теперь, а время захода солнца. Они отметили, что перед утренней и вечерней зарёй на небе большая звезда (Венера — *Чайлэнвэзгичэ*) «загорается», как в обыденной жизни огонь в юрте для завтрака и ужина. Днём юкагиры научились определять время по положению солнца, ночью — по луне.

Сутки *подьэрхо-эмил* (день и ночь) делили на следующие отрезки времени: *чайлэнчи* — «первый рассвет», *чайлэр* — «рассвело» и т.д. День называли *подьэрхо* — «свет», ночь — *эмил* («темнота»). Обычно юкагиры не считали недели, и у них не было названия дней недели, декад. В настоящее время они пользуются русскими названиями. Однако воскресенье у них называется — *хоинподьэрхо*, что означает «день бога», «праздник» [3, с. 86].

В практической жизни охотники, рыболовы и оленеводы руководствовались рациональными соображениями. Они были хорошо знакомы с планетами, созвездиями и их расположением по отношению к горизонту в различные моменты суток и года. Небесные светила служили ориентирами, позволяющими находить стороны горизонта и приблизительно определять время. Первоначально счёт времени в году был ориентирован именно на лунные месяцы. Определение начала месяца возлагалось на шамана, следившего за новолунием. Юкагиры научились регулировать лунный календарь в соответствии

с солнечным, в частности, с этой целью они могли вводить «вставной» (дополнительный) месяц продолжительностью в 30 дней.

Разработанность календаря (в частности, деление на месяцы) опиралась на практическую хозяйственную деятельность годового цикла с определёнными фазами движения Луны или Солнца. Юагиры создали календарь, в котором само число месяцев не является фиксированным, как и их продолжительность.

Лунный месяц начинался с новолуния после летнего поворота Солнца, от него шёл отсчёт лунных суток. Число суток узнавали по соответствующей нарастающей фазе [9, с. 55]. Чередование лунных фаз объяснялось через сравнение с изменением тела человека: «появляется голодный и тощий; радуется, накормленный людьми; вновь голодает, худеет и уходит». В полнолуние в очертаниях лунных пятен видят черты мужского лица. Существует примета, что на третий день полнолуния Луна краснеет. Это свет костра, на котором черти сжигают тени грешных умерших людей [2, с. 155—156]. По очертаниям этого светила предсказывали погоду.

В древности Луна причислялась к богествам и называлась *Эмим пуу*, т.е. «Ночное Солнце». Полная луна по-юкагирски звучит как *начэ-кинидьэ* — «луна-лицо» [3, с. 211].

По лунному календарю юкагиров течение времени воспринималось как движение от первого шейного позвонка человека вниз по левой руке и вверх по правой, возвращаясь вновь к позвонку, названия отдельных лунных месяцев отражали ту или иную часть человеческого тела: например, название года *нэмолгил* означало «все суставы вместе» [10, с. 100].

А.А. Алексеева отмечает, что у эвенов принят тот же архаический календарь, что и у эвенков; они делят год на 13 лунных месяцев и считают их «по голове и рукам»: начало года — макушка головы, следующий месяц — левое плечо («год спускается»), последний месяц — правое плечо («год поднялся») [1, с. 185].

Возникает естественный вопрос: кто у кого заимствовал эту оригинальную

систему отсчёта месяцев по суставам — тунгусы у юкагиров или юагиры у тунгусов? Система счёта времени по частям тела, вероятней всего, первоначально сложилась у охотских эвенов под влиянием православно-христианского календаря, который употреблялся в России до XVIII в., т.е. ещё до массового крещения аборигенов Дальнего Востока [8, с. 59—62]. До сих пор верхнеколымские юагиры пользуются эвенскими названиями месяцев «суставного» календаря [10, с. 100].

Натуральное хозяйство, в условиях которого жили охотники-оленоводы и рыболовы на рубеже XIX и XX вв., имело циклический характер, что обуславливалось главным образом сменой времён года. По данным Е.А. Крейновича, тундровые юагиры делили год на девять сезонов. *Лукудајлэмэн* — «время короткого (дословно маленького) дня», соответствовавшее декабрю, январю и февралю [4, с. 68]; *элин пугудэмэн* — «первое время потепления», т.е. начало весны, совпадающее примерно с мартом [4, с. 75]; *пугудэмэн* — «время потепления», совпадающее примерно с апрелем. В это время юагиры оставляли зимнюю стоянку и начинали медленное продвижение на север, в тундру (иногда этот период начинался с конца марта, если погода была тёплой) [4, с. 76]. *Туонгајмэн* — «время отёла оленей», совпадающее примерно с маем. В это время кочевники выходили на край леса к тундре. Снег в эту пору начинал таять [4, с. 77; 5, с. 85]. *Сабундилэмэн* — «начало лета», соответствующее примерно июню. В это время окончательно сходит снег, текут потоки воды, появляется первая зелень; *лэвэјмэн* — «середина лета» [4, с. 79]; *элин комдэмэн* — «начало осени», соответствующее примерно концу августа; *комдэмэн* — «время осени», соответствовавшее сентябрю и октябрю. В это время начиналось движение кочевников с севера на юг — от моря к лесу [4, с. 87]; *лаwјэмэн* — «время замерзания воды», т.е. рек, озёр, совпадающее примерно с ноябрём. Снег в это время полностью покрывал тундру. Расставшись со своими стоянками, юагиры постепенно продвигались

на юг, к месту своей предстоящей зимовки. В пути на остановках для ориентира ставили маленькие зимние чумы [4, с. 91]. Названия сезонов в этой системе времяисчисления производны от основных хозяйственных занятий юкагигов и от местных климатических условий.

Владимир Ильич Иохельсон в конце XIX в. записал у верхнеколымских юкагигов названия и назначения всех 12 условных месяцев. 1-й — июль (седьмой месяц календарного года) *пугуд-ордьэ кинидьэ* — «середина летних месяцев». 2-й — август, *йуку-кучийэ кинидьэ* — «месяц мошки». 3-й — сентябрь, *анин кинидьэ* — «месяц рыбы». В этот месяц заготавливают рыбу на зиму. 4-й — октябрь, *ончиэн кинидьэ* — «месяц самцов диких оленей». Время охоты на диких оленей и заготовки мяса на зиму. 5-й — ноябрь, *чаха или надэ кинидьэ* — «осенний месяц». Месяц начинается с новолуния. 6-й — декабрь, *йотнэйэдатлэ кинидьэ* — «перед месяцем гор». Здесь отмечен самый светлый лунный месяц на Севере, когда в тундре отлично видно на дистанцию до одного километра и мороз крепчает. 7-й — январь, *йотнэй кинидьэ* — «месяц гор». В этот период важным средством ориентации в пространстве служили горные вершины. Другое название месяца — *чомохартлидэ кинидьэ* — «месяц большой бабочки», здесь отмечалось время развития личинок особого вида слепней, откладывающих яйца в шкуре оленя. 8-й — февраль, *йукухартлидэ кинидьэ* — «месяц маленькой бабочки» — «период развития личинок другого вида слепней в ноздрах оленей». 9-й — март, *шибучиэн кинидьэ*. Возможно, раньше в этом периоде года — при переходе от зимы к весне — у юкагигов умещалось два лунных месяца. 10-й — апрель, *чуолэд-омни шиллэ-кинидьэ* — «месяц древних людей *шиллэ*». Древние люди занимали важное место в представлениях юкагигов о своих предках. *Шинлэ* — «ледяная корка на снегу, конец зимы». 11-й — май, *полдчэ-кинидьэ* — «месяц листвы». 12-й — июнь, *кучиэн кинидьэ* — «месяц комаров» [3, с. 84—85].

Раньше календарный год у юкагигов начинался с первого снега. О ребёнке

пятилетнего возраста говорили: «Он вступил в пятый снег». Понятие «год» в силу привычки ассоциировалось с одним из сезонов — сначала, видимо, с зимой.

В.И. Иохельсон также отметил, что под влиянием христианства юкагиры стали отмечать шесть времён года: 1. *Пугэ* (лето), от святой Акулины (13 июня) до дня Марии (8 сентября); 2. *Надэ* (осень), с 8 сентября до дня святого Михаила (8 ноября); 3. *Чиэдьэ* (зима), с 8 ноября до Очищения (2 февраля); 4. *Порэ* (первая весна), от Очищения до дня святого Егория (23 апреля); 5. *Шиллэ*, или *Шинлэ* (вторая весна), с 23 апреля до начала таяния снега, обычно до дня святого Николая (9 мая); 6. *Шондьилэ* (третья весна), от таяния снега до дня святой Акулины [3, с. 86].

Согласно этому перечню, самым длинным сезоном верхнеколымские юкагиры считали весну (четыре с половиной месяца), а самым коротким — осень (два месяца). Можно предполагать, что началом года у них отмечался первый весенний месяц.

Христианство с его праздниками трансформировало традиционный юкагирский календарь. Общепринятые в России названия месяцев, особенно тех, на которые приходится больше религиозных праздников, стали вытеснять природно-хозяйственный календарь юкагигов из обихода. Точный счёт всех 365 дней юкагиры стали вести по памяти. Время труднее всего было считать зрительно или на пальцах, именно счёт точного времени требовал графической фиксации явлений в обыденной жизни и в окружающей природе. Для этого был изобретён специальный деревянный календарь *чайлэдьунгдьэ* с отверстиями по числу дней и месяцев [6, с. 539]. Календарь был необходим также в торговле. Он представлял собой липовую дощечку, которая делилась на две части продольным разрезом на корешок и квитанцию.

Проблему праздников юкагиры решили также с помощью небольшой квадратной дощечки с отверстиями по числу дней и месяцев в году. Над отверстиями, обозначавшими воскресные и праздничные дни, вырезали крестики. Для точного счёта дней недели юкагирам служила дощечка с семью отверстиями.

Подобные календари были позаимствованы от русских не позднее первой четверти XVIII в. [7, с. 18].

У юкагиров зафиксированы образцы пиктографической письменности [13, с. 56—57]. С помощью значков они стремились запомнить число предметов или поручений. Юкагирские знаки чисел можно отнести к идеограммам. Например, особый «знак возвращения» в виде дуги фиксирует время отправления людей с юга на север и обратно или дату возврата пеших охотников. Эти значимые периоды жизнедеятельности отмечены в народном календаре юкагиров знаком, а не буквой, что является важным моментом в развитии народной календарной системы. Функция «знак возвращения» в рисуночных письмах юкагирского шамана определяется магическим воздействием на движение духов-помощников с целью вернуть их [2, с. 65].

Таким образом, издревле юкагиры строили свою жизнь в условиях Арктики, рассчитывая время, силы и продукты питания в соответствии с циклами года. Тесно связанные с природой, они издавна вели постоянное тщательное наблюдение за ней и создали свой лунно-солнечный и сезонно-хозяйственный кален-

дарь — своего рода записки натуралистов, отражающие как бы свод сведений о кочевой жизни, о годовом хозяйственном цикле охотников-оленоводов, о временах и сезонах года, о погоде, о состоянии местной фауны и флоры. В основе наблюдений лежало движение Земли вокруг Солнца (годовой цикл — зима, весна, лето, осень) и движение Луны вокруг Земли (лунные месяцы). Народный календарь юкагиров в существенных чертах определил довольно высокий уровень наблюдательной астрономии и ориентацию в пространстве. Огромный объём и поражающая нас точность наблюдений, сделанных древними охотниками, намного превышала чисто хозяйственные потребности. Это связано с тем, что Солнце, Луна и планеты приравнялись к богам, влияли на природу и здоровье человека, символизировали предопределённость судьбы. Отсюда вытекало, что будущее человека, племени можно прочесть по движению планет. Под влиянием христианства юкагиры стали вести точный счёт дней, отмечать шесть времён года с названием месяцев и праздников, что по содержанию имело много общего с системой времяисчисления и верованиями русских переселенцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А.А. Древний календарь эвенов // Язык — миф — культура народов Сибири. Якутск, 1994. С. 178—188.
2. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Новосибирск: Наука, 2013. Ч. 3. 232 с.
3. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
4. Крейнович Е.А. Из жизни тундровых юкагиров на рубеже XIX и XX вв. // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1972. Вып. 13. Кн. 2. С. 56—92.
5. Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 270 с.
6. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
7. Орлова Е.П. Календарь народов Севера и Дальнего Востока СССР // Материалы по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1966. Вып. 2. С. 297—321.
8. Попова У.Г. Эвены Магаданской области: очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917—1977 гг. М.: Наука, 1981. 304 с.
9. Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.
10. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.

11. Филиппова В.В., Сулейманов А.А., Шадрин В.И., Астахова И.С., Григорьев С.А. Пространство жизнедеятельности «исчезающего» этноса: юкагиры Якутии в XX—XXI вв. / отв. ред. С.И. Боякова. Владивосток: Дальнаука, 2020. 324 с.
12. Цыбульский В.В. Календари и хронология стран мира. М.: Просвещение, 1982. 128 с.
13. Юкагиры (историко-этнографический очерк) / отв. ред. акад. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1975. 244 с.

REFERENCES

1. Alekseeva A.A. Drevniy kalendar' evenov [Ancient Calendar of the Evens]. *Yazyk — mif — kul'tura narodov Sibiri* [Language — Myth — Culture of the Peoples of Siberia]. Yakutsk, 1994, pp. 178—188. (In Russ.)
2. Zhukova L.N. *Ocherki po yukagirskoy kul'ture* [Essays on Yukaghir Culture]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2013, part 3, 232 p. (In Russ.)
3. Yokhelson V.I. *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [Yukaghirs and Yukaghirized Tungus]. Transl. by V.Kh. Ivanov, Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 675 p. (In Russ.)
4. Kreinovich E.A. Iz zhizni tundrovykh yukagirov na rubezhe XIX i XX vekov [From the Life of the Tundra Yukaghirs at the Turn of the 19th and 20th Centuries]. *Strany i narody Vostoka [Countries and Peoples of the East]*. Moscow, Nauka Publ., 1972, vol. 13, book 2, pp. 56—92. (In Russ.)
5. Krupnik I.I. *Arkticheskaya etnoekologiya: Modeli traditsionnogo prirodopol'zovaniya morskikh okhotnikov i olenevodov Severnoy Yevrazii* [Arctic Ethnoecology: Models of Traditional Environmental Management of Sea Hunters and Reindeer Herders of Northern Eurasia]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 270 p. (In Russ.)
6. Kurilov G.N. *Yukagirsko-russkiy slovar'* [Yukaghir-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001, 608 p. (In Russ.)
7. Orlova E.P. Kalendar' narodov Severa i Dal'nego Vostoka SSSR [Calendar of the Peoples of the North and Far East of the USSR]. *Materialy po istorii Sibiri* [Materials on the History of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1966, vol. 2, pp. 297—321. (In Russ.)
8. Popova U.G. *Eveny Magadanskoj oblasti: ocherki istorii, khozyaystva i kul'tury evenov Okhotskogo poberezh'ya 1917—1977 gg.* [Evens of the Magadan Region: Essays on the History, Economy and Culture of the Evens of the Okhotsk Coast 1917—1977]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 304 p. (In Russ.)
9. Spiridonov N.I. *Oduly (Yukagiry) Kolym'skogo okruga* [Oduly (Yukaghir) of the Kolyma District]. Yakutsk, Severoved Publ., 1996, 80 p. (In Russ.)
10. Tugolukov V.A. *Kto vy, yukagiry?* [Who are you, Yukaghirs?]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 152 p. (In Russ.)
11. Filippova V.V., Suleymanov A.A., Shadrin V.I., Astakhova I.S., Grigoriev S.A. *Prostranstvo zhiznedeyatel'nosti «ischezayushchego» etnosa: yukagiry Yakutii v XX—XXI vekakh* [The Space of Life Activity of a “Disappearing” Ethnic Group: the Yukaghirs of Yakutia in the 20th — 21st Centuries]. Vladivostok, Dalnauka, 2020, 324 p. (In Russ.)
12. Tsybul'skiy V.V. *Kalendari i khronologiya stran mira* [Calendars and Chronology of Countries of the World]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982, 128 p. (In Russ.)
13. *Yukagiry (istoriko-etnograficheskiy ocherk)* [Yukaghirs (Historical and Ethnographic Essay)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 244 p. (In Russ.)